
«ИЗЪЯТИЕ ПРОИЗВОДИТСЯ БЕЗ ОСЛОЖНЕНИЙ»: ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ МОСКВЫ К КАМПАНИИ ПО ИЗЪЯТИЮ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В 1922 Г.

Л.В. Борисова

Центр изучения новейшей истории России и политологии
Институт российской истории РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Россия, 117036

В статье анализируются особенности большевистской агитации за изъятие церковных ценностей в ходе кампании 1922 г. и практика ее проведения в Москве. На основе впервые вводимых в научный оборот источников показан широкий спектр мнений, высказывавшихся по поводу кампании на собраниях рабочих и церковных общин.

Ключевые слова: Москва, церковь, изъятие церковных ценностей, рабочие, прихожане, Патриарх Тихон, Троцкий.

Победа в Гражданской войне и переход к мирной жизни не означали для большевиков наступления гражданского мира и избавления от идейных врагов внутри страны. Несмотря на «кавалерийскую атаку» на церковь и религию в первый год советской власти (1), террор большевиков против духовенства и кампанию вскрытия и «разоблачения» святых мощей в 1918–1920 гг., церковь оставалась влиятельным оппонентом в идеологической сфере. Не отказываясь от задачи разрушения церкви, в условиях мирной жизни и некоторой либерализации экономики власть меняет свою тактику, прикрывая открытое насилие псевдоправосудием и искусно используя внутрицерковные течения. Для наступления на церковь нужен был только удобный повод. И он представился в связи с разразившимся в 1921 г. небывалым голодом, охватившим по разным оценкам от 15 до 30 млн чел. А в качестве инструмента ослабления церкви послужила кампания по изъятию церковных ценностей, проведенная в 1922 г.

С самого начала церковь стремилась сделать все возможное для сбора средств в пользу голодающих. Еще летом 1921 г. был образован Всероссийский церковный комитет помощи голодающим. В августе 1921 г. Патриарх Московский и всея Руси Тихон обратился к международной общественности с призывом помочь России, а также призвал верующих жертвовать деньги и ценности для голодающих. Церковноприходские советы и общины получили разрешение от церковной власти жертвовать на нужды голодающих драгоценные церковные предметы, не имеющие богослужебного употребления, но советское правительство сочло эту помощь излишней.

Однако 9 декабря 1921 г., когда голод достиг катастрофических масштабов, ВЦИК принял постановление о разрешении религиозным организациям собирать средства для голодающих. К февралю 1922 г. церковный Комитет помощи голодающим собрал 8 млн 926 тыс. руб. деньгами, не считая пожертвований в виде ювелирных изделий, золотых монет и продовольствия (2). Тем не менее 26 февраля было опубликовано постановление ВЦИК об изъятии церковных ценностей в принудительном порядке. Комитет был распущен, а собранные ценности конфискованы. Именно это постановление положило начало кампании по изъятию церковных ценностей.

По официальным данным, в России во время изъятий произошло 1414 кровавых эксцессов с убийствами верующих или реквизиторов. Особое место в истории сопротивления изъятию церковных ценностей занимают кровавые события в Шуе. Они явились важным уроком, на которой мгновенно отреагировали власти и учли в организации кампании в других городах. В связи с событиями в Шуе Ленин написал 19 марта 1922 г. секретное письмо членам Политбюро, в котором раскрывались истинные причины проведения кампании: «Все соображения указывают на то, что позже сделать это нам не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечил бы нам сочувствие этих масс, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализацию этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием ценностей останется, безусловно и полностью, на нашей стороне. ...Изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно, ни перед чем не останавливаясь, и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь прочесть эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать» (3).

Возможность рассказать правду об этой странице истории появилась только в 1990-е гг., когда появился доступ к ранее секретным документам. За прошедшее время было опубликовано много книг (4), статей (5) и сборников документов (6), но до сих пор остаются не изученными многие аспекты этой кампании. В данной статье впервые на основе секретных документов Московского губернского отдела ГПУ показана атмосфера и методы проведения кампании в столице, отношение к ней жителей: рабочих, священников, прихожан.

Проведению кампании по изъятию церковных ценностей в Москве придавалось особое значение. По мнению главного гонителя церкви и идеолога кампании Л.Д. Троцкого, «если в Москве пройдет хорошо, то в провинции вопрос решится сам собой» (7). Хотя признавалось, что изъятие не должно совпасть с пасхальными праздниками, но для столицы было сделано исключение. Собравшиеся на XI съезд РКП(б) делегаты должны были увидеть на

примере города сорока сороков церквей, как действовать на местах. Поэтому кампания по изъятию церковных ценностей в Москве началась в дни работы съезда 31 марта 1922 г. В течение апреля она в основном была закончена.

Собрания на фабриках и заводах. «Внешне жизнь в Москве кипит, но большинство населения нищенствует, голодает. Злоба дня – конфискация церковных ценностей, которая невероятно озлобляет население. Однако крупных беспорядков на этой почве не было» (8), – рассказывал о своих впечатлениях финский промышленник, вернувшийся из России. В действительности обстановка в столице была еще тревожнее. Из-за хронических задержек заработной платы настроения рабочих в марте значительно ухудшились по сравнению с январем и февралем 1922 г. В марте Московский губернский политотдел ГПУ зафиксировал почти в два раза больше забастовок и «итальянок», чем в предшествовавшие месяцы года. При этом конфликты носили более острый характер (9).

Что же касается отношения рабочих к религии, то оно не претерпело существенных изменений по сравнению с недавним прошлым, оставаясь на уровне религиозного индифферентизма (10). Большинство из них продолжало отмечать религиозные праздники, прогуливая в эти дни работу и вступая тем самым в конфликты с администрацией (11). Нередко, в дни праздников, если удавалось договориться, останавливались целые предприятия с условием последующей отработки в выходной день. К Пасхе, Рождеству на предприятиях, как правило, выдавались праздничные пайки, а их задержки вызывали недовольство рабочих. А накануне религиозных праздников они с удвоенной настойчивостью интересовались выдачей зарплаты. Как показывают бюджетные обследования середины 1920-х гг., в комнатах рабочих рядом с портретом Ленина висела икона, а посещение церкви по выходным оставались единственной отдушиной в убогой жизни работающих женщин (12). Современники свидетельствуют также о присутствии на церковных службах большого количества народа, однако нет данных о том, насколько много среди них было рабочих (13).

Важная роль в пропаганде кампании отводилась наглядной агитации. По свидетельству очевидца, по всей Москве были густо расклеены плакаты известного художника В.Н. Дени, которые сразу же привлекали внимание (14). На одной стороне этого красочного плаката был изображен Патриарх, стоявший среди сверкавшей драгоценностями церковной утвари, с текстом воззвания, в котором говорилось о святотатстве изъятия церковных предметов. В противовес главе Русской Православной церкви на другой стороне плаката была изображена семья голодающих, тянущих костлявые руки к драгоценностям. Таким образом, даже неграмотным была очевидна главная пропагандистская идея кампании: церковь не хочет поступиться своими богатствами для спасения от смерти голодающих, поэтому их надо отобрать. Кроме того, московские стены были заклеены различными воззваниями на эту же тему, изобиловавшими оскорблениями в адрес противников изъятия.

Главным объектом массированной агиткампании являлись рабочие, которые должны были продемонстрировать поддержку проведения изъятия ценностей. Большая роль в выявлении истинных настроений была отведена органам ГПУ, которые на первом этапе кампании выявляли и брали на заметку всех, кто высказывался против изъятия. В ежедневных сводках МГПО ГПУ появились специальные рубрики «Настроения рабочих в связи с изъятием церковных ценностей», «Настроения и деятельность духовенства в связи с изъятием церковных ценностей».

Агиткампания в Москве была начата 23 марта 1922 г. (15). Барометром настроений на фабриках и заводах стали общие собрания, которые созывались комъячейками для принятия резолюций, одобрявших изъятие церковных ценностей. В ходе собраний выявлялись самые разные мотивы одобрения или отклонения официальной резолюции, старательно фиксировавшиеся информаторами ГПУ. На некоторых предприятиях, несмотря на принятие резолюции, отдельные рабочие (Фармазавод № 1) и группы лиц (завод «Геофизика» в Сокольниках, «Земпалатка» в Хамовниках) вели «контрагитацию» как на самих собраниях, так и после принятия резолюции. А на фабрике Бутикова в Хамовниках 25 марта 1922 г. рабочие собирали подписи под протоколом против изъятия церковных ценностей (16). 29 марта на собрании персонала Бахрушинской больницы в Сокольниках, на котором за изъятие ценностей выступал священник Калиновский, «несмотря на все усилия, предложенная резолюция не прошла» (17).

Против официальной резолюции проголосовали рабочие 11 типографии (Бауманский район). При этом в качестве мотива указывалось «меньшевистское» настроение рабочих. Не была принята предложенная комъячейкой резолюция и на вальцовой мельнице № 1. Рабочие высказались за добровольное пожертвование отдельных предметов. В апреле, когда на предприятиях повторно прошли собрания о кампании изъятия церковных ценностей, состоялось собрание и на вальцовой мельнице № 1. В этот раз докладчиком выступил председатель Верховного ревтрибунала Н.В. Крыленко и рабочие изменили свое недавнее мнение, проголосовав за резолюцию. А на спичечной фабрике (Бауманский район), бывшей Дунаева, на собрании 3 апреля против изъятия церковных ценностей проголосовали 150 рабочих, и только 27 голосов было за. «Недоверчивое» отношение к изъятию церковных ценностей отмечалось на текстильной фабрике Глушкова в Сокольниках (18).

На кондитерской фабрике № 2, бывшей Абрикосова, велась агитация не только против изъятия церковных ценностей, но и против снятия иконы на фабрике (19). Это было единственное предприятие, работники которого объявили забастовку протеста, и через час после остановки работы икона вернулась на свое место. Следует отметить, что иконы с ликами святых – покровителей разных профессий с дореволюционных времен находились в помещениях всех фабрик и заводов. Вряд ли они были в очень дорогих окладах, тем не менее, в ходе кампании проходило их массовое изъятие, как

правило, не встречавшее сопротивления рабочих. Причем на собраниях этот вопрос не обсуждался.

На заводе «Коса» (Сокольнический район) секретарь комъючейки проявил такое рвение, что по собственной инициативе снял икону, висевшую у ворот (20). Правда, сделал он это ночью, видимо, все же опасаясь негативной реакции рабочих. Однако через несколько дней на заводе состоялось общее собрание, участники которого не только единогласно приняли резолюцию за изъятие церковных ценностей, но и проголосовали за то, чтобы был принят декрет ВЦИК об изъятии всех ценностей у граждан. Против декрета на собрании выступил один из техников, который сказал, «что ценности коммунисты разграбят и пропьют в кафе, что сначала нужно снять головы с коммунистов, и потом браться за ценности» (21). (При этом непонятно, как получилось единогласное голосование.) Сомнение в том, что ценности попадут по назначению, выражалось и на собрании на складе Главного управления металлопромышленности. Тем не менее «нужная» резолюция также была принята единогласно и избраны три представителя от рабочих для участия в изъятии церковных ценностей.

На многих собраниях рабочие не высказывались против изъятия ценностей как такового, но предлагали «в первую очередь изъять золото у коммунистов, их жен, торговцев, а затем уже из церквей» (22). А на фабрике Москвашвей в резолюции, одобрявшей изъятие церковных ценностей, было записано: «просить правительство, чтобы не награждались герои золотым оружием и о передаче таковых в Помгол» (23).

Хотя кампания по принятию резолюций на предприятиях Москвы шла довольно активно, все же в ЦК считали ее недостаточной. В связи с этим 12 апреля 1922 г. был разослан секретный циркуляр, предписывавший добиться того, чтобы не было ни одной фабрики, ни одного завода, не принявших решения по вопросу изъятия церковных ценностей. Решения собраний предписывалось немедленно публиковать в местной прессе и присылать одновременно в «Правду», «Известия» и «Роста». Иронизируя по поводу резолюций, обрушившихся на читателей со страниц газет, современник замечал: «Их тысячи, этих резолюций, и при всей важности этого предмета что-то щедринское или чеховское в них. Вот, например: “Работники Суцевской пожарной команды, 18-го отделения милиции и арестного дома предлагают советской власти более энергично проводить постановление об изъятии ценностей из храма. Вот бы самих этих энергичных пожарных припустить к этой работе. Грабежи по пожарным случаям их, видимо, не удовлетворяют”» (24).

Собрания, проходившие на предприятиях в апреле, также выявили неоднозначное отношение рабочих к кампании. Так, на собрании в паровозных мастерских Московско-Казанской ж.д. после докладчика выступило несколько рабочих, которые заявили, что обсуждать вопрос об изъятии могут только верующие-прихожане. В результате при голосовании из 500 чел. за

изъятие проголосовали только 8, против – 106, остальные воздержались (25). Против изъятия проголосовали также на спичечной фабрике, бывшей Дунаева, и на заводе Электроуголь (Богородский уезд). Против изъятия были настроены и рабочие фабрики Аркина в Бауманском районе (26). А на центральной трамвайной электростанции в Замоскворецком районе отмечалось враждебное настроение и ропот по поводу награждения золотым оружием командиров Красной армии: «Советская власть берет из церквей ценности и в то же время награждает золотым оружием, а голодающим опять ничего нет» (27), – говорили они. На станции была выявлена и антисемитская агитация.

Единогласно поддержали изъятие церковных ценностей в паровозном депо станции Москва Киево-Воронежской ж.д. и на фабрике «Богатырь». На общем собрании, состоявшемся на станции Москва Николаевской ж.д., рабочие не только единогласно проголосовали за изъятие ценностей, но и предложили рабочим депо отдать в пользу голодающих нательные кресты и все имеющиеся в депо иконы. При этом, как отмечалось в сводке, против никто не выступал, и собрание прошло с большим подъемом (28).

Важным психологическим фактором агитации, взятым на вооружение в апреле, стало приглашение на рабочие собрания крестьян из голодающих губерний. А на фабрике Константинова (Бауманский район) решающее влияние на голосование оказала речь священника из голодающих мест, который говорил, что золото не нужно Богу. Поддержку официальной резолюции на заводе красок и лаков (бывший Фридендер) и вовсе предопределило трагическое событие: на Введенской площади на глазах рабочих умер от голода человек (29).

Несмотря на обилие официальной информации, доводившейся через газеты, листовки, митинги и собрания, проведение кампании сопровождалось многочисленными толками и слухами. Прежде всего, они свидетельствовали о недоверии населения к власти и к исходившей от ее органов пропаганде. Самым распространенным мнением, звучавшим и на предприятиях Москвы, и за ее пределами, было то, что собираемые ценности вряд ли пойдут голодающим, а останутся в карманах ловких дельцов. А среди крестьян Дмитровского уезда поговаривали, «что лучше бы советская власть взамен изъятия церковных ценностей всю стоимость таковых разложила на крестьян, которые могли бы уплатить за ценности продовольствием или деньгами». В Сергиевском уезде и вовсе ходили пессимистические слухи о закрытии церквей после Пасхи (30). Отражением отчаяния, охватившего некоторую часть населения, служил слух, распространившийся в апреле среди работниц Глуховской мануфактуры и жителей г. Богородска. Они говорили, что Совнарком издал декрет о возврате изъятых церковных ценностей, а также о прекращении изъятия. «Народ этим слухам верит», – сообщал информатор (31). Однако продолжавшаяся кампания быстро развеивала эти надежды. 20 апреля очередь дошла и до церкви при Глуховской мануфактуре. Хотя

процедуру изъятия ценностей работницы не видели, потому что были в цехах, но вывоз церковного имущества происходил как раз в тот момент, когда они выходили, закончив работу. Несмотря на то, что на фабрике фиксировалось «сочувственное» отношение к кампании, увидев иконы, «большинство женщин и детей стали петь “Христос воскрес”». Некоторые из стоявших женщин плакали, а также были слышны из толпы бранные крики. После этого народ разошелся» (32).

Собрания церковных общин. С марта 1922 г. параллельно агитационной работе среди рабочих стали созываться собрания церковных общин, на которых обсуждалось послание Патриарха Тихона от 28 февраля. В нем говорилось, что изъятие из храмов предметов богослужения является святотатством (33). Послание зачитывалось и непосредственно после церковной службы. Отношение к изъятию церковных ценностей священники высказывали и в проповедях. Так, священник церкви Иоанна Воина (Замоскворецкий район) Христофор Надеждин в проповеди «контрреволюционного характера» призывал паству к сплочению с церковью и противодействию политике советской власти, которая, по его словам, «способствует растаскиванию державы российской» (34).

На собрании прихожан церкви Богоявления (Бауманский район) 12 марта, на котором присутствовало 300 чел., был вынесен протест против постановления ВЦИК об изъятии церковных ценностей, а голодающим было решено оказывать посильную помощь.

Многие собрания носили бурный характер, так как прихожане нередко придерживались противоположных точек зрения. Так, 26 марта на собрании в церкви св. Николая на Покровке из 200 чел. около 40, в том числе и члены церковно-приходского совета, стояли за изъятие церковных ценностей. Большая часть собравшихся – против, предлагая выкупить ценности или взять на иждивение 5–10 детей. В итоге эмоционального обсуждения было решено: отдать ценности, кроме сосудов, евангелий, дарохранилищ, крестов, хоругвей и риз. Также была избрана комиссия для переговоров с Центральной комиссией по изъятию церковных ценностей ВЦИК. В состав делегации вошли 4 интеллигента и один рабочий. Примечательно, что это единственная информация о рабочих-прихожанах. Возможно, чтобы загладить эту «неловкость», информатор далее сообщал: «На собрании верующих решающую роль играли интеллигенция и женщины-старухи. Рабочих был небольшой процент» (35).

Собрания и митинги церковных общин проходили и по уездам Московской губернии. Причем на протяжении марта в большинстве резолюций говорилось о передаче на дело спасения голодающих только тех церковных ценностей, без которых можно обойтись. «Всех же противодействующих заклеить позором» (36). Однако высказывались и другие мнения. Так, на многолюдном собрании верующих Дмитровского уезда после прочтения письма Патриарха верующие потребовали ничего из церквей не отдавать.

Настроения подогрел и священник, приехавший из Москвы. Он заявил, «что приходы Москвы постановили, не допускать к изъятию ценностей, несмотря на воззвание Патриарха Тихона» (37). В результате собрание постановило: никаких ценностей и предметов из церквей Дмитровского округа не отдавать. В с. Кривушене Можайского уезда на собрании верующих пяти деревень не только приняли решение ценностей не отдавать, но и выбрали пять человек для срочного оповещения прихода на случай приезда комиссии по изъятию. Позиция епископа Можайского Иннокентия (Боброва) была еще радикальнее. Он агитировал за то, чтобы не отдавать ценности коммунистам, «хотя бы они пришли с винтовками», и предлагал оказать сопротивление (38). А прихожане в Раменской и Чаплинской волостях Бронницкого уезда, напротив, постановили немедленно приступить к описанию ценностей для их сдачи. Таким образом, среди представителей духовенства и паствы не было единой позиции и плана действий.

Даже мнение главы церкви – Патриарха – ставилось под сомнение. Делегация Никольского собора (Можайский уезд) побывала у Патриарха и на церковном собрании 25 марта доложила, что ценности частично изъять необходимо, но верующие высказывались против. Однако при голосовании было принято постановление: ценности отдать, исключая кресты и сосуды (39). На следующий день происходило собрание в церкви Вознесения этого же уезда, на котором решили: ценности не отдавать и выбрать комиссию для их охраны.

Против просьб о выкупе церковных ценностей или замене их другими, равнозначными по весу, Президиум ВЦИК и ЦК РКП(б) первое время не возражали, но уже вскоре позиция власти изменилась. 30 марта всем губкомам РКП(б) была послана шифротелеграмма: «Неполное изъятие церковных ценностей будет рассматриваться как нерадение местных органов» (40).

В ходе кампании руководство страны то разрешало заменять ценности деньгами и изделиями из драгметаллов, то запрещало.

Руководители же губкомиссии поняли к концу марта, что бесцеремонное изъятие максимального количества ценностей только вызовет сопротивление, поэтому ее председатель и одновременно председатель Московского губотдела ГПУ Ф. Медведь в инструкции уполномоченным уездных комиссий указывал: «К изъятию ценностей в бедных деревенских церквях подлежит подходить с особой осторожностью и изымать из них только лишь абсолютные излишки» (41). А 31 марта объединенное заседание Комитета обороны Москвы и губернии и губкомиссии постановило: «При изъятии церковных ценностей оставлять нижеследующие предметы для соблюдения религиозных обрядов: дарохранильница – 1, дароносица – 1, венцы для свадьбы – 2, чаша (по числу служб), дискос (по числу служб), звезда (по числу служб), ложка и копье» (42).

Почти одновременно с ужесточением позиции властей начались массовые кражи в церквях. При этом церковь подозревала коммунистов, а власть

видела в этом происки священников, старавшихся, по их мнению, любой ценой утаить свои богатства. Так, несмотря на наличие сторожей, в ночь на 30 марта была ограблена церковь Благовещения на Плющихе (43). В ночь на 1 апреля – очень богатая церковь Никиты Мученика на Басманной, из которой похитили все самое ценное. В ночь на 5 апреля ограбили церковь Спасо-Преображения по Спасо-Болвановскому переулку. Кражи происходили и в сельских церквях Подмосковья. Как правило, воры проникали через окно, разбив стекло или выпилив решетку.

Власть очень оперативно отреагировала на эпидемию краж, распространившуюся по многим губерниям, и уже 2 апреля во все губкомы был направлен секретный циркуляр, в котором ответственность за кражи возлагалась, в первую очередь, на самих «попов». Предлагалось также установить секретное наблюдение и «окарауливание» богатых церквей для предотвращения грабежей и хищений. По отношению к уже случившимся грабежам и хищениям предписывалось арестовывать виновных попов и лиц, подписавших договоры, для привлечения к суду за расхищение народного достояния.

Однако эти меры не останавливали воров. В ночь на 20 апреля путем взлома оконной решетки была ограблена одна из самых богатых церквей Москвы – собор Богоявления на Елоховской площади. На утро вокруг собора собралась толпа, в которой говорили, что, мол, ограбили сами коммунисты. Как сообщалось в сводке, похитили все наиболее ценное имущество: 23 серебряные лампы, 2 серебряные ризы большого размера до 3 аршин в длину, одна из них с бриллиантами в 2,5 карата, 6 серебряных крестов литого серебра и фигуры евангелистов литого серебра, которые были содраны с престола. Сразу же были арестованы сторожа, дежурившие в ту ночь и умудрившиеся не заметить, как выносились эти громоздкие и тяжелые предметы (44).

Практика проведения кампании. В Москве изъятие церковных ценностей началось 31 марта 1922 г. Следует отметить, что к этому времени был учтен опыт подавления сопротивления в Шуе, и проведение кампании в Москве было хорошо обеспечено военной силой из разных родов войск. Для войскового обеспечения кампании и предупреждения эксцессов были задействованы наиболее надежные в политическом отношении части особого назначения (ЧОН), а также 103 и 104 полки 35-й Отдельной бригады Войск внутренней службы, которые имели опыт подавления крестьянских восстаний, 1-й особый батальон при президиуме ГПУ, Отдельная учебная автобронетанковая бригада, Учебный образцовый полк, Сводная учебная батарея, Школа инструкторов физического образования, Учебный телеграфно-телефонный полк (45). Для руководства военными операциями, связанными с возможными эксцессами, при начальнике Московского гарнизона был сформирован особый Центральный оперативный штаб во главе с комендантом г. Москвы Н.А. Яковлевым. Для руководства операциями в московских районах были образованы районные комендатуры, подчинявшиеся этому штабу (46).

Примечательно, что начальник московского гарнизона Н.И. Муралов уже имел опыт проведения военной операции по изъятию церковных ценностей. Под его командованием 23 марта 1922 г. сводная рота из 150 чел., пулеметная команда с 6 пулеметами, рота ЧОН и конные милиционеры обеспечили изъятие ценностей из Воскресенского собора в Шуе (47).

Первой к практической работе приступила комиссия Краснопресненского района. Считалось, что это наиболее спокойный район. 31 марта изъятие проводилось в 6 церквях. В церкви Василия Кессарийского, несмотря на заявление прибывшей комиссии, что богослужения сегодня не будет, собравшаяся толпа прихожан долго не расходилась. В Скорбященском монастыре комиссия смогла войти в церковь только после долгих переговоров со священником Сергием. Ссылаясь на отсутствие согласия со стороны церковной общины, он просил отложить изъятие до воскресенья 2 апреля (48). Когда наконец-то удалось войти, одновременно с комиссией в церковь вошла и недовольная толпа человек в 600. По сообщению на 3 апреля, изъятие прошло еще в 12 церквях района «без всяких осложнений». В этот же день изъятие проводилось в 8 церквях Замоскворецкого района и в 7 Хамовнического. Оно прошло спокойно, хотя около церквей и собирались верующие, преимущественно женщины.

Церковные ценности изымались не только в православных храмах, в том числе старообрядческих, но и в культовых сооружениях всех других конфессий. Окончанием работы комиссии по изъятию являлось составление акта изъятия, который должны были подписывать священник церкви и представитель прихожан. В сводках зафиксированы единичные случаи их отказа от подписания акта (49).

Однако в ходе кампании было немало случаев, когда население пыталось сорвать работу комиссий по изъятию. Так, в течение одного дня в Москве, 5 апреля 1922 г., зафиксированы три случая, когда члены комиссии по изъятию церковных ценностей могли «работать» только под прикрытием красноармейцев. Один из них произошел у церкви Сергия по Ульяновской улице. Здесь стояла толпа, человек 50, из которой раздавались бранные крики. Видимо, ситуация накалялась, поэтому комиссия ушла из церкви за подкреплением в лице уполномоченных и красноармейцев и вернулась уже с охраной.

Наиболее ожесточенное сопротивление в этот день было оказано у церкви Богоявления в Дорогомилове, около которой собралась 5-тысячная толпа. «Из толпы бросаются камнями в красноармейцев, задерживают проезжающих в автомобилях, проверяют документы и ищут коммунистов, таким образом был избит один коммунист, – сообщалось в сводке. – Толпой избито в кровь несколько красноармейцев, при операции убит один курсант. Толпа загнала комиссию вместе с красноармейцами в церковь. Из собравшейся массы слышатся выкрики, что они винтовок и револьверов не боятся, и что лишь при помощи пулеметов с ними можно справиться. В толпе наблюдается большое количество мальчишек, орудующих под руководством

взрослых. Приняты меры к срочной присылке на место кавалерии» (50). Один из мальчишек взобрался на колокольню и стал звонить в колокол. Правда, уже в следующей сводке было сделано уточнение, что картина событий не вполне соответствовала действительности: толпа была значительно меньше, а курсант был сильно ушиблен кирпичом, а не убит (51).

События у церкви Богоявления заставили власть ужесточить меры по предотвращению набатного звона и скопления людей у церквей, не останавливаясь перед массовыми арестами. Чтобы не вызывать лишней раздражения верующих, было решено не посылать для охраны церквей чоновцев и евреев. В целях предупреждения организованного сопротивления план проведения изъятия ценностей предписывалось держать в строжайшей тайне. До начала практической работы никто не должен был знать, в какой церкви будет проводиться изъятие (52).

Эксцессами сопровождалось и завершение кампании в Москве. 20 апреля у церкви Знамения у Крестовой заставы собралась враждебно настроенная толпа (около 800 чел.). В толпе были замечены и личности в нетрезвом виде. Как отмечалось в сводке, два милиционера были избиты камнями. Для разгона толпы был послан отряд кавалеристов из 30 чел. Один из толпы был арестован.

В этот же день у церкви Покрова на Нижней Красносельской среди собравшейся толпы были замечены несколько железнодорожников, которые вели агитацию. Двое из них отправились в главные мастерские Московской железной дороги, чтобы привести оттуда рабочих. Однако рабочие не только не поддались на агитацию, но и сумели задержать одного из них. Задержанный оказался сцепщиком вагонов по фамилии Просвирников (53).

В редких случаях проводились мирные акции протеста. Одна из них состоялась у церкви Богоявления на Елоховской площади. 17 апреля в 11 ч. 30 мин. дня вокруг церкви собралось около 4 тыс. чел., которые прошли крестным ходом. К 2 ч. дня крестный ход закончился, и публика разошлась. Как сообщалось, среди собравшихся преобладала интеллигенция, рабочих было незначительное количество (54).

19 апреля приступили к изъятию ценностей в церкви Воскресения при убежище для престарелых им. Радищева в Сокольниках. Беззащитная толпа женщин и стариков, находившихся в убежище, собралась вокруг церкви. Среди толпы раздавались плач и рыдания. Для обеспечения работы комиссии «были приняты меры изоляции церкви от наплыва в убежище посторонней публики», что означало разгон толпы кавалеристами (55). Еще одной мерой борьбы против тех, кто высказывал свое несогласие с изъятием церковных ценностей, являлся арест.

Пристальное наблюдение за населением велось не только у церквей, где шло изъятие, но и во время богослужений во всех остальных. Агенты слушали проповеди священников, разговоры прихожан, которые велись после богослужений: «5 апреля в 8 часов утра после богослужения в церкви Троицы Капельки вышли двое неизвестных граждан, которые в разговоре по во-

просу об изъятии выразились, что большевики грабят церкви. К ним присоединились по пути еще несколько человек, из которых один сказал, что нужно спрятать от комиссаров имеющуюся в церкви богатую плащаницу. Говоривший оказался секретарем церковного совета Некрасовым, за которым установлено наблюдение» (56). А во время наблюдения за церковью было обнаружено, что поздно вечером из нее была вынесена икона.

20 апреля комиссия по изъятию добралась и до церкви Троицы Капельки. В момент изъятия вокруг церкви собралась толпа около 500 чел., в большинстве из интеллигенции и обывателей. Из толпы раздавались оскорбления в адрес коммунистов, бросали камни. В результате камнем пробили голову одному из членов комиссии. За агитацию среди толпы один человек был арестован. В этот же день еще около 300 чел. собралось около церкви Спаса по Большой Спасской. С помощью кавалеристов эти скопления народа были рассеяны.

Одновременно проходило изъятие ценностей в Городском районе. Хотя по сообщению в сводке оно прошло без эксцессов, но, тем не менее, было арестовано 11 чел. (57).

Еще до окончания кампании появились и первые нелестные отклики на практику проведения изъятий, высказывавшиеся и священниками, и рабочими. Так, священник церкви Николая Явленного на Арбате отец Иоанн в своей проповеди говорил об оскорблении чувств верующих: «Враги наши вторглись в наш храм, забрали у нас все священные драгоценности; своими грязными руками ободрали наши иконы, наши святые кресты, к которым мы с трепетом прикладывались, и чаши, из которых причащались, пойдут не голодающим, а наши враги будут выделывать из них браслеты и портсигары». В конце проповеди, как отмечал информатор, вероятно, испугавшись сам своих слов, священник заключил, что комиссия в этом храме держалась корректно, но чтобы не портить впечатления от произнесенного, добавил, что и не то, мол, было в других храмах (58). О недовольстве советской властью, в частности, поведением ее представителей в церквях говорили и на лентоткацкой фабрике Грузкова в Сокольниках. Рабочие возмущались тем, что при изъятии церковных ценностей «представителями власти творятся безобразия: становятся на иконы ногами, курят в церкви, не снимают головных уборов» (59).

Подтверждением того, что факты оскорбления религиозных чувств верующих не были единичными при изъятии церковных ценностей, является также запись в дневнике современника: «...В последнее время в газетах стали появляться “благодарственные” письма некоторых священников, что комиссия по изъятию церковных ценностей вела, мол, себя корректно, “в храме все время были без шапок и никто в нем не курил”. Это подтверждает только, что в иных храмах не только курили, но и водку пили, и на матерном диалекте говорили» (60).

Уже после завершения кампании в отчете МГПО о политическом и экономическом состоянии г. Москвы и Московской губернии за время с 1 марта

по 1 июня 1922 г. она была названа «серьезным испытанием политической зрелости широкой массы рабочих». «Это испытание дало положительные результаты, – констатировалось в этом “совершенно секретном” документе.

На большинстве собраний по этому поводу выносились сочувственные одобрительные резолюции. И лишь в некоторых отдельных случаях наблюдалось шаткое, недоверчивое отношение к этому вопросу и мероприятию. Но подавляющее большинство московских рабочих решительно высказались за изъятие. В немногочисленных эксцессах рабочая масса как таковая отсутствовала» (61).

Однако в действительности, об этом свидетельствуют и ежедневные сводки МГПО ГПУ, отношение к изъятию церковных ценностей было далеко неоднозначным и проведение кампании в Москве сопровождалось упорным сопротивлением населения, среди которого, несомненно, были и московские рабочие. Только использование большого количества вооруженной силы, аресты, а затем многочисленные судебные процессы позволили задуть этот протест. Наступление на церковь продолжалось и в последующие годы. При этом главная ставка делалась на атеистическую пропаганду среди молодежи. У нового поколения, комсомольцев и пионеров индифферентное религиозное сознание, характерное для их родителей, целенаправленно вытеснялось новыми идеологическими ценностями.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Декретом СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января (5 февраля) 1918 г. церковь лишили прав юридического лица и права собственности, а ее имущество было объявлено «народным достоянием». Допускалось лишь существование групп верующих, с которыми местные органы власти заключали договоры о бесплатном пользовании церковными зданиями, предметами для богослужения и приглашении священнослужителей. Примечательно, что в зданиях закрытых монастырей были организованы концентрационные лагеря, в которых содержались представители высших слоев дореволюционной России. О реакции верующих на антицерковную политику советской власти см.: *Кривова Н.А.* Власть и церковь в 1922–1925 гг. – М., 1997. – С. 12–15.
- (2) *Кривова Н.А.* Власть и церковь... – С. 76.
- (3) Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 4. – С. 191.
- (4) *Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н.* Красные конкистадоры. – М., 1994; *Кривова Н.А.* Власть и церковь в 1922–1925 гг. – М., 1997; *Одинцов М.И.* Государство и церковь в России. XX век. – М., 1994; и др.
- (5) *Газов Е.* Изъятие церковных ценностей в Московском уезде в 1922 г. // Московские епархиальные ведомости. – 2009. – № 9–10; и др.
- (6) Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. – М., 2006; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941: Док-ты и фотомат-лы. – М., 1996; Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): Мат-лы и док-ты. – М., 1995; и др.
- (7) Цит. по: *Кривова Н.А.* Власть и церковь... – С. 44.
- (8) В дни нэпа // Последние новости. – Париж, 1922. – № 651.

- (9) *Борисова Л.В.* Трудовые отношения в советской России. – М., 2006. – С. 206.
- (10) См. подробнее: *Кирьянов Ю.И.* Менталитет рабочих России на рубеже XIX – начала XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 г. – февраль 1917 г. – СПб., 1997. – С. 163–165.
- (11) Так, массовые прогулы в связи с религиозными праздниками были зафиксированы МГПО ГПУ в декабре 1921 г. и январе 1922 г. Только на предприятиях Бауманского района в декабре было зафиксировано 822 дня массового прогула (ЦА ФСБ. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 593. – Л. 240).
- (12) *Кабо Е.О.* Очерки рабочего быта. – М., 1928. – С. 181.
- (13) Современники особо отмечали роскошь церковных служб в период нэпа: «Благочестивые спекулянты и жулики (не в осуждение будь про них сказано) собирают на устройство таких служб громадные деньги» (*Окунев Н.П.* Дневник москвича. 1917–1924. – Кн. 2: 1920–1924. – М., 1997. – С. 165).
- (14) *Окунев Н.П.* Указ. соч. – С. 220.
- (15) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 84. – Д. 347. – Л. 13.
- (16) ЦА ФСБ РФ. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 592. – Л. 74.
- (17) Там же. – Л. 68 об.
- (18) Там же. – Л. 82. Сведения об отрицательном отношении к кампании на предприятиях в целом и выступлениях ее отдельных противников на собраниях подчеркнуты в сводках красными чернилами.
- (19) Там же. – Л. 66.
- (20) Там же. – Л. 72.
- (21) Там же. – Л. 77 об.
- (22) Там же. – Л. 65.
- (23) Там же. – Л. 88.
- (24) *Окунев Н.П.* Дневник москвича... – С. 218.
- (25) ЦА ФСБ РФ. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 592. – Л. 82 об.
- (26) Там же. – Л. 98 об., 93 об.
- (27) Там же. – Л. 88.
- (28) Там же. – Л. 89.
- (29) Там же. – Л. 90, 89.
- (30) Там же. – Л. 65 об., 74, 66.
- (31) Там же. – Л. 100.
- (32) Там же. – Л. 102 об., 103.
- (33) Следственное дело Патриарха Тихона: Сб. док-тов. – М., 2000. – С. 115.
- (34) ЦА ФСБ РФ. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 592. – Л. 53 об.
- (35) Там же. – Л. 75.
- (36) Там же. – Л. 54.
- (37) Там же. – Л. 66.
- (38) Там же. – Л. 73. Несмотря на свою воинственность, епископ Иннокентий направил председателю уездной комиссии помгол записку, в которой сообщал: «Я приветствую изъятие церковных ценностей в помощь голодающим, кроме сосудов, необходимых для ведения таинств евхаристии и дарохранильниц». Она была зачитана на общем собрании коммунистов и беспартийных Городского района г. Клина.
- (39) Там же. – Л. 69.
- (40) *Петров С.Г., Покровский Н.Н.* Политбюро и Церковь. 1922–1925: В 2-х кн. – М.–Новосибирск, 1997–1998. – Кн. 1. – С. 166.
- (41) *Газов Е.* Изъятие церковных ценностей в Московском уезде... – С. 27.

- (42) Там же.
- (43) ЦА ФСБ РФ. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 592. – Л. 68 об.
- (44) Там же. – Л. 101, 102.
- (45) Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. – С. 13, 14.
- (46) Там же. – С. 39, 40.
- (47) Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. – М.–Новосибирск, 1998. – Кн. 2. – С. 100–102.
- (48) В сводке Московской губкомиссии по изъятию церковных ценностей о ходе работ в Краснопресненском районе за 31 марта 1922 г. указана другая мотивация задержки работы в Скорбященском монастыре: «поп ссылался на то, что прямым хозяином монастыря является игуменья», которую комиссия обнаружила, войдя в церковь. По данным этой сводки у монастыря собралось 200 чел. (Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. – С. 38).
- (49) ЦА ФСБ РФ. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 592. – Л. 85.
- (50) Там же. – Л. 72.
- (51) Там же. – Л. 84 об.
- (52) *Кривова Н.А.* Власть и церковь... – С. 109.
- (53) ЦА ФСБ РФ. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 592. – Л. 101, 102 об.
- (54) Там же. – Л. 98.
- (55) Там же. – Л. 100.
- (56) Там же. – Л. 82 об.
- (57) Там же. – Л. 101, 102.
- (58) Там же. – Л. 87 об.
- (59) Там же. – Л. 88.
- (60) *Окунев Н.П.* Дневник москвича... – С. 223.
- (61) ЦА ФСБ РФ. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 592. – Л. 450.

**«WITHDRAWAL IS CARRIED OUT WITHOUT COMPLICATIONS».
ATTITUDE OF MOSCOW POPULATION TO CHURCH VALUES
WITHDRAWAL CAMPAIGN IN 1922**

L.V. Borisova

Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
Dmitry Ulianov Str., 19, Moscow, Russia, 117036

In article features of Bolshevik propaganda for withdrawal of church values are analyzed during campaign of 1922 and practice of its carrying out in Moscow. On a basis for the first time sources entered into a scientific turn the wide spectrum of the opinions, passing an opinion is shown campaign at meetings of working and church communities.

Key words: Moscow, church, withdrawal of church values, workers, parishioners, Patriarch Tikhon, Trotsky.